

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ФЕНОМЕНЫ: ФОРМАЛИЗОВАННЫЙ ОПЫТ СТРАН СНГ

Новикова А. Е., Грищенко Н. В.

Современный этап развития российского конституционализма в совокупности с вызовами и угрозами от изменений международного политико-правового ландшафта детерминируют исследование законодательного вклада в легализацию традиционных для государства аксиологических опор. В этой связи авторами статьи на основе сравнительно-правового анализа конституций стран-членов Содружества независимых государств представлены результаты формализации в их текстах духовно-нравственных ценностей по критерию заданных вербальных конструкций; сделаны выводы компаративного характера о достаточности актуальных учредительных норм для обеспечения традиционных ценностей в суверенных государствах.

Ключевые слова: конституция, ценность, норма, нравственность, духовное наследие, народ, общество, государство.

В современный период обращение к рассмотрению духовно-нравственных феноменов актуализировано необходимостью их возрождения, укрепления и популяризации в российском обществе как ответ на деструктивные внешнеполитические воздействия, способные дестабилизировать и обстановку внутри государства. Право, юридические нормы являются одним из действенных инструментов установления векторов духовно-нравственных ценностей. Особенно важен конституционный уровень в силу ценностной ориентации базового закона [3, с. 1-11], его высшей юридической силы [4, с. 24], учредительного [6, с. 83], многоцелевого и многофункционального [5, с. 174] характера.

В полной мере разделяем научную позицию о том, что саму «конституцию можно в ценностном измерении рассматривать с различных позиций <...> эстетическую ценность формулировок, содержащихся в конституции, филологическую и семантическую ценность словарного набора и грамматических конструкций текста конституции, логическую ценность присутствующих в конституции высказываний, суждений, факторов и проч., идеологическую ценность фундаментальных положений и т.д.» [4, с. 26]. В частности, по мнению С.А. Авакьяна, «конституция просто не может не быть идеологическим – в смысле мировоззренческим документом, причем практически каждое ее слово, все закрепленные в конституции институты выражают видение желаемой социально-политической системы страны, и каждая конституция закрепляет свою систему общественных ценностей и нацелена на то, чтобы на ее основе формировались соответствующие воззрения каждого члена общества» [2, с. 14-15].

С учетом представленной значимости базового закона в данной работе авторское внимание уделено анализу формализации конституциями стран-членов СНГ духовно-нравственных феноменов [7], терминологически представленных в формулировках «ценность», «духовный» и «нравственный». Подчеркнем, что категории духовно-нравственных феноменов гораздо шире обозначенных терминов и вербально могут быть выражены и в иных словесных конструкциях, которые не относятся к объекту настоящего исследования.

Что касается российского опыта, то термин «ценность» легализован в Конституции 14 раз, из которых 10 указывается на материальные ценности в аспекте ценза реализации пассивного избирательного права (ч.ч. «т» ст. 71, ч. 3 ст. 77, ч. 5 ст. 78, ч. 2 ст. 81, ч. 4 ст. 95, ч. 1 ст. 97, ч.ч. «е» ч. 1 ст. 103, ч. 4 ст. 110, ст. 119 и ч. 2 ст. 129) [1]. Остальные российские и иные заявленные конституционные нормы называют:

высшей ценностью человека, его права и свободы (ст. 2 Конституции России). Идентичен текст конституций Беларуси (ст. 2), Казахстана (ч. 1 ст. 1), Киргизии (ч. 1 ст. 23) и Молдовы (ч. 3 ст. 1). В данном же ключе с небольшими отличиями сформулирована ч. 1 ст. 3 Конституции Армении: в Республике человек – высшая ценность. В Туркменистане человек является наивысшей ценностью не только для государства, но и общества (ст. 4).

По сравнению с представленными оригинальна словесная конструкция ст. 13 Конституции Узбекистана. В ней формализованы в качестве высшей ценности человек, его жизнь, свобода, честь, достоинство и другие неотъемлемые права;

культурные ценности в контексте

их охраны в связи с вводимыми в соответствии с федеральным законом ограничениями перемещения товаров и услуг (ч. 2 ст. 74 Конституции России). Уточним, что содержательно приближена формулировка ч. 2 ст. 19 Конституции Армении, оперирующая армянскими историческими и культурными ценностями, сохранению которых способствует Республика на основе международного права;

доступа к ним в рамках субъективного права каждого на участие в культурной жизни и пользования учреждениями культуры (ч. 2 ст. 44 Конституции России). Аналогично установление в конституциях Азербайджана (ч. I ст. 40) и Киргизии (ч. 2 ст. 48).

В ст. 51 Конституции Беларуси в контексте заявленного права указана общедоступность ценностей отечественной и мировой культуры.

Здесь же хотелось бы отметить ст. 44 Конституции Беларуси, упоминающую историко-культурные ценности, которым не должно наноситься вреда осуществление права собственности;

семейные ценности как объект проведения Правительством Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики (ч.ч. «в» ч. 1 ст. 114).

В заявленных конституциях установлена формализация категории общечеловеческих ценностей в качестве одной из основных целей политики Республики Армения в экономической, социальной и культурной сферах (п. 15 ст. 86).

В ст. 54 Конституции Беларуси легализованы национальные ценности, которые каждый обязан беречь. В данной же Конституции легализована разновидность труда равной ценности, на равное вознаграждение от которого имеют право женщины и мужчины, взрослые и несовершеннолетние (ст. 42).

Ценности в разновидности материальных и интеллектуальных закреплены применительно к собственности в ч. 1 ст. 9 Конституции Молдовы. Аналогичная норма применительно к частной собственности обнаружена в ст. 12 Конституции Туркменистана.

Что касается формализации исключительно духовной составляющей, то «духовное развитие детей» впервые на современном конституционном уровне было в Рос-

сии закреплено в ходе поправочного процесса и отражено в ч. 4 ст. 67.1. Данная норма с заявленным развитием корреспондирует деятельности государства (создание условий).

В Конституции Азербайджана категория духовности выражена в вариативном ряду «духовное наследие народа», «духовное наследие» и «духовное здоровье». В первом случае Азербайджанское государство охраняет духовное наследие народа (ч. II ст. 16). Во втором – в контексте права на культуру «каждый должен с уважением относиться к историческому, культурному и духовному наследию» (ч. II ст. 40). В третьем случае ч. II ст. 31 устанавливает запрет посягать на духовное здоровье.

Сделаем акцент на распространенности сочетания «духовное наследие», подтвердив тем, что согласно ст. 15 Конституции Беларуси историко-культурное и духовное наследие выступают предметом государственной ответственности. В соответствии с ч. 3 ст. 21 Конституции Киргизии государство охраняет духовное наследие народа. Иной подход в ст. 49 Конституции Узбекистана, когда граждане обязаны оберегать духовное наследие народа Узбекистана.

В ч. 1 ст. 18 Конституции Армении «Армянская Апостольская Святая Церковь» закреплена духовная жизнь армянского народа как признанный государством объект исключительной миссии Армянской Апостольской Святой Церкви в качестве национальной церкви.

В ст. 16 Конституции Беларуси формализованы духовные традиции белорусского народа как критерий взаимоотношений государства и религиозных организаций на основании закона.

В формате предмета компетенции разработка и реализация общегосударственных программ духовного развития закреплена за Кабинетом Министров (п. 9 ст. 91 Конституции Киргизии).

В ст. 73 и ст. 98 конституций Таджикистана и Узбекистана отмечено, что Правительство / Кабинет Министров обеспечивает эффективное руководство духовной сферы.

Еще одна из заявленных нами категорий – нравственность, обнаружена в ч. 3 ст. 55 Конституции России. Защита нравственности является основанием для ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина. В данном же ключе выстроена ст. 23 Конституции Беларуси. В содержательно приближенной формулировке ч. 1 ст. 39 Конституции Казахстана: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях охраны нравственности населения. В аналогичном текстуальном совпадении ч. 2 ст. 23 Конституции Киргизии.

В ч. III ст. 48 Конституции Азербайджана легализована общественная нравственность, которой не должно противоречить выполнение религиозных обрядов.

В разновидности общественной нравственности закреплена в ч. 5 ст. 12 Конституции Казахстана, когда на нее не должно посягать осуществление прав и свобод человека и гражданина.

В ст. 16 Конституции Беларуси напротив легализована нравственность граждан, которой запрещено наносить вред деятельностью религиозных организаций, их органов и представителей.

Согласно ст. 44 Конституции Туркменистана и ст. 57 Конституции Узбекистана запрещаются создание и деятельность политических партий и иных общественных объединений, посягающих на здоровье и нравственность народа.

В Главе 2 «Основные права и свободы человека и гражданина» Конституции Армении словосочетание «защита нравственности» встречается 12 раз как основание для ограничения законом следующих субъективных прав и свобод: право на физическую и психическую неприкосновенность (ч. 2 ст. 25), право на неприкосновенность частной и семейной жизни (ч. 2 ст. 31), право на неприкосновенность жилища (ч. 2 ст. 32), свобода и тайна сообщения (ч. 2 ст. 33), право на ознакомление с персональными данными (ч. 4 ст. 34), свобода вступления в брак (ч. 3 ст. 35), право на свободное передвижение (ч. 4 ст. 40), свобода мысли, совести и религии (ч. 2 ст. 41), свобода выражения мнения (ч. 3 ст. 42), собраний мнения (ч. 5 ст. 44), объединений (ч. 3 ст. 45), право на справедливое судебное разбирательство (ч. 2 ст. 63).

Нарушения нравственное развитие зафиксированы в ст. 32 Конституции Беларуси в качестве недопустимого последствия работ, к которым привлекается ребенок.

В аналогичном смысловом ключе ч. 4 ст. 50 Конституции Молдовы, запрещающая эксплуатацию несовершеннолетних, использование их на работах, наносящих вред нравственности, запрещаются.

Одновременно включение двух заявленных категорий, присутствует, к примеру, в ст. 32 Конституции Беларуси, когда молодежи гарантируется право на ее духовное, нравственное и физическое развитие. Аналогичен замысел ч. 3 ст. 20 и ч. 1 ст. 27 Конституции Киргизии в отношении детей.

В ч. 1 ст. 47 Конституции Киргизии право на духовно-культурное и нравственное развитие гарантировано молодежи.

Симбиоз ценностей и нравственности демонстрирует ч. 4 ст. 10 Конституции Киргизии: в целях защиты подрастающего поколения мероприятия, противоречащие моральным и нравственным ценностям, общественному сознанию народа Кыргызской Республики, могут ограничиваться законом.

В ст. 40 Конституции Таджикистана отмечено, что духовные ценности охраняются государством.

Одним из ключевых отличий рассматриваемых конституций от российского варианта является включение искомых норм в преамбулу. Так, в конституциях Азербайджана, Армении, Беларуси, Киргизии, Молдовы и Туркменистана в преамбуле отражена приверженность общечеловеческим ценностям. В преамбуле Конституции Киргизии также зафиксировано стремление к развитию духовности. А в преамбуле Конституции Молдовы отражено признание в качестве высших ценностей правового государства, гражданского мира, демократии, достоинства человека, его прав и свобод, свободного развития человеческой личности, справедливости и политического плюрализма. В преамбуле Конституции Туркменистана отмечена цель охраны национальных ценностей.

На наш взгляд, представленные формулировки исчерпывающим образом демонстрируют конституционный вклад в легализацию духовно-нравственных ценностей по заданным вербальным конструкциям. Уточним, что структурно они легализованы в различных частях базовых законов; вариативно (высшая ценность, общечеловеческие ценности, культурные ценности, семейные ценности, духовные ценности, национальные ценности, материальные и интеллектуальные ценности, духовное

наследие народа, духовная жизнь, духовные традиции, духовное развитие, духовная сфера, нравственность населения, общественная нравственность, нравственность граждан, нравственность народа, защита нравственности, нравственное развитие и др.) адресованы субъектам различной правовой природы.

Полагаем, о конституционной аксиологии рассмотренных категорий свидетельствует то, что с ними связывается обеспечительная деятельность государства.

В совокупности представленные конституционные установления выступают достаточными учредительными ориентирами для развития законодательной базы и специального стратегического нормирования абрисов деликатной сферы, имеющей важное значение для личности, общества и государства.

Список литературы:

1. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6 (12). С. 1-11.
2. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 656 с.
3. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 560 с.
4. Марченко М.Н. Источники права. М.: Проспект, 2020. 768 с.
5. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. 528.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
7. 15. <https://constitutions.ru/> (дата обращения 11.01.2023 г.).

Novikova A. E., Grishchenko N. V. Constitutional spiritual and moral phenomena: formalized experience of the cis countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 409-413.

The current stage of the development of Russian constitutionalism, together with the challenges and threats from changes in the international political and legal landscape, determine the study of the legislative contribution to the legalization of traditional axiological pillars for the state. In this regard, the authors of the article, based on a comparative legal analysis of the constitutions of the member countries of the Commonwealth of Independent States, present the results of the formalization of spiritual and moral values in their texts according to the criterion of given verbal constructions; comparative conclusions are made about the sufficiency of relevant constituent norms to ensure traditional values in sovereign states.

Keywords: constitution, value, norm, morality, spiritual heritage, people, society, state.

Spisok literary:

1. Bondar' N.S. Konstitucionnye cennosti – kategoriya dejstvuyushchego prava (v kontekste praktiki Konstitucionnogo Suda Rossii) // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2009. № 6 (12). S. 1-11.
2. Konstituciya v XXI veke: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya / отв. red. V.E. Chirkin. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 656 s.
3. Ebzeev B.S. Vvedenie v Konstituciyu Rossii: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2013. 560 s.
4. Marchenko M.N. Istochniki prava. M.: Prospekt, 2020. 768 s.
5. Avak'yan S.A. Konstituciya Rossii: priroda, evolyuciya, sovremennost'. M., 2000. 528.
6. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ, ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ, ot 05.02.2014 g. № 2-FKZ, ot 21.07.2014 g. № 11-FKZ; s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 g.) // Rossijskaya gazeta. 1993, 25 dekabrya; 2020, 4 iyulya.
7. 15. <https://constitutions.ru/> (data obrashcheniya 11.01.2023 g.).